

Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России*

Иван Попп

Уральский государственный педагогический университет,
Екатеринбург, Россия

Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia

Ivan Popp

Ural State Pedagogical University,
Yekaterinburg, Russia

Historiography has formed polar assessments of the activity carried out by members of the system of local (*volost*) self-government in the post-reform period of the Russian Empire. Working within the paradigm of historical anthropology, the author tries to analyse the activity of volost clerks in court through the study of analytical reports made by governors about the system of peasant self-government. The study focuses on previously unpublished confidential reports of governors to the ministers of Internal Affairs P. A. Valuev in 1863–1864 and D. A. Tolstoy in 1883–1884. Most of these documents are now kept in the funds of the local administration department of the Ministry of Internal Affairs (1291) and the office of the Ministry of Internal Affairs (1282) of the Russian State Historical Archive. Governors had a rather negative idea of volost clerks, attributing most of the problems of local government to the low quality of clerk personnel, who were prone to theft, bribery, and deceit. In the early 1860s, the governors dealt with difficult issues of administrating rural areas and offered promising “recipes” of modernisation of the whole system of peasant self-government and attracting young well-educated clerks to the service. However, two decades later, questions about the reorganisation of volost clerks disappeared from the reports, and non-objective criticism dominated the secret messages of the governors, who seemed to be eager to delegate all such problems of self-government to the lower-ranking officials who worked directly in volost councils. Despite critical assessments, regional officials realised the significance of well-educated clerks who recorded

---

* *Citation*: Popp, I. (2022). Volost Clerks in Judicial Bureaucracy: The Myths and Reality of Post-Reform Russia. In *Quaestio Rossica*. Vol. 10, № 1. P. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666.

Цитирование: Попп И. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // *Quaestio Rossica*. 2022. Vol. 10, № 1. P. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666 / Попп И. Волостной писарь в судебной бюрократии: мифы и реальность пореформенной России // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 1. С. 185–203. DOI 10.15826/qr.2022.1.666.

court proceedings, which allowed peasants to appeal against sentences in a court of cassation. Volost justice, which occupied a special place in the system of the Russian jurisdiction, gradually uncovered the multifaceted world of traditional law, because it was Russian volost clerks who gradually, year after year, created one of the most important mass sources, the decisions of volost courts reflecting the course of court hearings. This fact facilitated the gradual incorporation of usual law post-reform institutions into the system of local judicial bodies, which worked in post-reform Russia based on positive law.

Keywords: history of nineteenth-century Russia, volost clerk, volost court, volost justice, peasant self-government

В историографии сформировались полярные оценки деятельности представителей системы волостного самоуправления в пореформенный период Российской империи. В рамках антропологически ориентированной истории предпринят анализ деятельности волостных писарей на суде через изучение аналитических отчетов губернаторов о системе крестьянского самоуправления. Основное внимание уделяется ранее не опубликованным конфиденциальным сообщениям начальников губерний для министров внутренних дел П. А. Валуева в 1863–1864 гг. и Д. А. Толстого в 1883–1884 гг. Основной массив этих документов в настоящий момент находится в фондах земского отдела МВД (1291) и канцелярии МВД (1282) РГИА. Начальники губерний довольно негативно относились к писарям, связывая большинство проблем местного управления с плохим качественным составом секретарей, подверженных воровству, взяточничеству и обману. Если в начале 1860-х гг. хозяева губерний касались сложных вопросов администрирования в сельской местности, предлагая перспективные «рецепты» модернизации всей системы крестьянского самоуправления и мобилизации на службу молодых и образованных писарей, то через 20 лет из отчетов вообще исчезли вопросы о возможном преобразовании института волостных делопроизводителей, а необъективная критика переполняла секретные сообщения губернаторов, которые все проблемы данного рода самоуправления хотели списать на низших должностных лиц, работавших непосредственно в волостных правлениях. В статье показано, что, несмотря на критические оценочные суждения, региональные чиновники понимали значимость грамотных секретарей, протоколировавших судебные решения, что позволяло крестьянам обжаловать приговоры судей в кассационном порядке. Волостная юстиция, занимая особое место в системе российского судопроизводства, постепенно открывала многогранный мир традиционного права, так как именно писари из российской глубинки год за годом создавали важнейший массовый источник – решения волостных судов с отражением хода судебных процессов, мотивов и определений служителей крестьянской Фемиды. Это способствовало постепенной инкорпорации обычно-правовых пореформенных институтов в систему местных судебных учреждений, действовавших в пореформенной России на основе позитивного права.

Ключевые слова: история России XIX в., волостной писарь, волостной суд, волостная юстиция, крестьянское самоуправление

Должность волостного писаря подвергалась в Российской империи постоянной критике с самого ее введения положением от 19 февраля 1861 г., которое обязывало этих канцелярских служащих вести волостные книги и все письмоводство, с надлежащей точностью излагать в бумагах решения волостного правления, схода и суда. В случае подлога писарь подвергался уголовному преследованию [ПСЗ-2, т. 36, ч. 1, № 36657, ст. 92, 113, 115, 126, с. 155–160]. В региональных архивах сохранилось много дел по обвинению бывших волостных писарей в растратах, «неправильном расходовании общественных денег», «подделке призывных списков» и др. [ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 798. Л. 2–119; Д. 602. Л. 33–33 об.; Ф. 1. Оп. 1. Д. 1661. Л. 5–47]. При этом любой волостной старшина на следствии обычно заявлял, что «ничего объяснить не может, так как он человек неграмотный, а все дело велось писарем» [Там же. Д. 851. Л. 31]. В пореформенный период давление на делопроизводителей только усиливалось. В 1874 г. в новом Положении об изменениях в устройстве местных учреждений по крестьянским делам появился отдельный пункт, акцентировавший внимание на удалении «от должности неблагонадежных волостных и сельских писарей» [ПСЗ-2, т. 49, ч. 1, № 53678, ст. 11, с. 930].

В дореволюционных периодических изданиях и книгах волостной писарь – это мошенник, использующий «безграмотность и безответственность волостных начальников», забирающий «в руки всю волость», делающий «что вздумается» и заботящийся «только о том, чтобы лучше хоронить концы в воду и не попасть под уголовный суд за какую-нибудь крупную пакость» [Волостной писарь, с. 3]. Даже известные писари так характеризовали эту должность:

В глазах начальства всякого рода это раб без мысли и воли, беспрекословно обязанный выполнять всякие требования... в глазах мужиков это тонкая бестия, законник, крючкотвор, которым в случае своей нужды можно попользоваться, но вообще же лучше быть от него подальше как от души продажной, за рубль-целковый на все готовой [Астырев, с. 145].

В. Янович, будучи в 1890-х гг. земским начальником, признавал, что «взгляд на волостного писаря как на пьяницу и хапугу распространен повсеместно», однако отмечал огромную роль канцелярских служащих в волостном делопроизводстве и счетоводстве. Из-за неграмотности большинства членов крестьянского самоуправления обязанности по ведению специальных книг перекладывались на письмоводителей, а характеристика всей нагрузки по волостным правлениям привела автора к эмоциональному замечанию: «Все это работа одного человека-писаря! Разве же он не маг и волшебник?» Земский начальник не стал отрицать безнравственные качества многих делопроизводителей, «но огульное обвинение писарей, этих вольно-каторжных, больше, чем негуманно. Мы видели и видим многих очень и очень хороших людей» [Янович, с. 48, 50–51].

При этом сам Янович на первых же страницах своего повествования создал образ «коррупцированного» дельца-писаря, использовавшего свое служебное положение на волостном суде: «Что тогда происходит в писарской квартире за день или за два до суда – догадаться нетрудно, а узнать нелегко, чаще невозможно!» Тем самым он бросил подозрение на всех секретарей судов [Янович, с. 4–5].

Действительно, большинство авторов обращали внимание на взаимодействие волостных писарей и судов. Так, А. И. Языков указывал, что на практике в коллегиальных волостных судах должность председателя фактически занимает старшиной или писарем, которых «закон вовсе отстранил от суда» [Языков, с. 14]. П. Скоробогатый на основании исследования «Трудов комиссии по преобразованию волостных судов» обратил внимание, что в некоторых волостях писарь «даже руководит заседанием и указывает судьям, кого и о чем следует допросить». Если в волостные судьи избираются грамотные крестьяне, то «иногда такие судьи контролируют писаря, сами справляясь с законом и уверяя остальных, что в законе действительно так написано, как писарь сказал» [Скоробогатый, 1880, с. 67–68]. Впоследствии этот же автор признавал, что писари почти всегда являлись «противниками обычаев и ревнителями законности» [Скоробогатый, 1882, с. 92] и о законах крестьяне узнавали через делопроизводителей [По вопросу о преобразовании волостных судов, с. 86]. Не из-за того ли секретари волостных судов вставали на сторону позитивного права, что обычай всегда был «неуловим» и каждый состав судей решал дела по своим собственным субъективным неписаным законам?

Историк и политический деятель А. А. Корнилов подтверждал ведущую роль письмоводителя на суде:

Волостной писарь являлся и секретарем волостного суда, в котором при невежестве и безграмотности судей, к тому же лично не изъятых от дисциплинарной власти волостного старшины, значение его как единственного толкователя законов и формулировщика приговоров оказывалось не менее могущественным, нежели и в остальных делах волости [Корнилов, с. 739].

В дореволюционной публицистике волостные писари подвергались всесторонней критике, но авторы одновременно понимали, что без этих сравнительно грамотных людей не существовало бы волостного делопроизводства. Потребность в писарях и их неприятие проходили через все сословия российского общества в пореформенное время и отражалась на страницах печати. Однако голословная критика современников не позволяла объективно взглянуть на недостатки в системе крестьянского самоуправления, крестьянской общине, а региональные чиновники, в том числе губернаторы, при отсутствии желательных результатов на местах занимались поиском «внутреннего врага».

В советской историографии под влиянием строгих идеологических рамок деградацию крестьянского самоуправления и суда связывали в большей степени с их бюрократизацией, административным давлением громоздкой иерархической системы сословно-дворянских учреждений и силой местного чиновничьего аппарата [Дружинин, с. 44, 268]. Проблемы отдельных институтов местного управления советских исследователей интересовали в меньшей степени, нежели поиски «кризиса самодержавия», «роста революционных движений», «нарастания революционной ситуации» и «противоречий между трудом и капиталом» [Зайончковский, 1964, с. 146, 178–179, 473–477]. Идеологические штампы лишали нарратив советских авторов объективного взгляда на такую важнейшую должностную единицу волостного самоуправления, как волостной писарь, представлявшую собой связующее звено между волостной, региональной и центральной системами управления пореформенной России, являвшуюся во многом краеугольным камнем реализации основных преобразований на практике.

В современной российской исторической науке возрождается интерес к волостным писарям, которые занимали особое место в рамках системы крестьянского самоуправления. Огромную роль делопроизводителей в этой системе из-за их грамотности по сравнению с остальным населением, а также ведения всего делопроизводства в волостных правлениях отмечал В. Б. Безгин. При этом если «крестьяне устанавливали достойное жалование, то у волостных канцелярских служащих исчезало желание производить незаконные поборы» [Безгин, с. 1223].

К подобным выводам пришел и В. В. Баринов, уделив особое внимание взаимодействию волостного суда с писарями в Тамбовской и Пензенской губерниях, которые оказывали огромное влияние на безграмотных волостных судей, а нередко и полностью брали все судопроизводство в свои руки [Баринов, с. 31–32]. О. В. Шутило и Н. М. Селезнева обратили внимание на концентрацию судебной власти в руках писаря, который, «пользуясь безграмотностью крестьян, составлял приговоры и решения, противоположные вынесенным» [Шутило, Селезнева, с. 190]. Позитивными тенденциями современной историографии являются более объективный подход к исследованию должностных обязанностей волостных писарей и изучение региональных, а также функциональных особенностей их деятельности [Хайбуллин; Шишкарева; Никитина]. Одновременно некоторые современные авторы описывают только должностные обязанности письмоводителей на основании Общего положения о крестьянах 1861 г., что влияет на ценность исторического исследования [Бурлова, с. 49].

Представители современной зарубежной историографии К. Фрирсон и Дж. Бурбанк обратили внимание на большую роль волостных писарей в судопроизводстве волостных судов. С одной стороны, писари в качестве секретарей судов полностью сопровождали судебные процессы, присутствовали даже при тайном вынесении реше-

ний, записывали и зачитывали их тяжущимся; при подкупе писари могли ускорять или замедлять судопроизводство [Frierson, p. 318]. С другой – наблюдалась добросовестность писарей в регистрации судебных дел в соответствии со статьями закона, поэтому решения волостных судов всегда основывались на Уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. На этом основании появился спорный вывод о судопроизводстве волостных судей на основе писаного, а не обычного права [Бурбанк, 2003, с. 193]. Наконец, Дж. Бурбанк указала на большое влияние секретарей в системе волостного управления, по влиятельности приравнивала их к волостным старшинам [Бурбанк, 2004, с. 348] и отметила огромную роль волостных писарей, оформлявших книги решений, что сегодня позволяет не только изучать организацию и деятельность пореформенного судопроизводства, но и скрупулезно реконструировать повседневность волостной юстиции [Burbank, p. 49].

Современные российские и зарубежные авторы мало внимания уделяют исследованию взаимодействия грамотных представителей волостного самоуправления с губернскими администрациями, анализу образа волостных писарей у высокопоставленных региональных чиновников, которые формировали мнение политической элиты и самого монарха не только о деятельности конкретных должностных лиц крестьянского мира, но и в целом о всей пореформенной системе местного управления Российской империи.

Скрупулезное изучение деятельности волостных писарей пореформенной России в разрезе микроисторического анализа преобразований административных и судебных региональных систем позволяет приблизиться к пониманию маркеров правового сознания сельских жителей, достоверно описать конкретные процессы судопроизводства в деревне, оценить влияние власти на крестьянскую общину, представить повседневную жизнь и рассмотреть отношение большей части населения к волостной, губернской администрациям и даже столичной власти.

* * *

В апреле 1873 г. в газете «Голос» появилась заметка из Бугурусланского уезда Самарской губернии, посвященная «самовластию» местного волостного писаря. Корреспондент рисовал возмутительную картину из провинциальной жизни:

Волостные судьи решили посадить одного крестьянина под арест на двое суток. Подсудимого тут же посадили в «кутузку», находящуюся при волостном правлении. Исполнил суд приговор, и судьи разошлись по домам. Но каково же было удивление их, когда к вечеру того же дня они увидели арестованного крестьянина, спокойно пьющего в кабаке водку! Оказалось, что его освободил своею властью волостной писарь.

Автор заметки указывал на вопиющий случай присвоения секретарем суда права помилования: «Вот тут и отбивайся как знаешь от писарского произвола!» [Голос, с. 2].

О проблеме узнали в Министерстве внутренних дел, и этим делом начал заниматься М. Р. Шидловский, второй товарищ министра, который направил конфиденциальный запрос самарскому губернатору Ф. Д. Климову с просьбой «уведомить, в какой мере справедливы в той корреспонденции сведения» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 37. 1873 г. Д. 97. Л. 2]. Начальник Самарской губернии подтвердил факт случившегося, но добавил, что «приговоренные к аресту были распущены по домам», так как волостной писарь Барсуков ответил, что «кутузка за неисправностью печи холодна и что приговоренные будут арестованы после, но обещания этого не исполнил. Впоследствии один из приговоренных к наказанию крестьян, бывши в лавочке, высказал, что их отпустил писарь за деньги» [Там же. Л. 3–4]. Незамедлительный ответ из Министерства внутренних дел звучал однозначно:

Не могу не обратить внимания, что в силу конфиденциального циркуляра от 13 августа 1868 г. за № 82 от Вас, милостивый государь, зависит сделать распоряжение об удалении со службы подобных неблагонадежных волостных писарей [Там же. Л. 5].

Разбираться, брал ли действительно делопроизводитель деньги, никто не стал, хотя на письмоводителей иногда приносили доносы, полагаясь только на слухи [ГАШ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56. Л. 167]. К сожалению, в истории с писарем Барсуковым никто не захотел задать простые вопросы: 1. Почему волостные судьи решили сразу же посадить крестьян в «кутузку», ведь на обжалование решения волостного суда предоставлялось законом 30 дней? 2. Не являлась ли услышанная кем-то и где-то фраза о взяточничестве простым изветом? 3. Брал ли действительно делопроизводитель деньги? При этом фраза Барсукова о неисправной печке осталась просто незамеченной. Кто, впрочем, в крестьянской среде мог возразить судьям по поводу размещения арестованных в холодном помещении?

Для анализа деятельности волостных писарей необходимо изучить материалы о становлении местного самоуправления, которые направляли в столицу губернаторы.

Уже в конце 1863 г., то есть через два с половиной года после отмены крепостного права, министр внутренних дел П. А. Валуев обратил внимание на введенные положениями новые начала и формы общественного крестьянского управления. Для разъяснения истинного положения в деятельности крестьянских учреждений Валуев обратился к начальникам губерний с просьбой сообщить «личные наблюдения по вышеизложенным предметам, вынесенные из объезда волостей, из доходивших до вас дел и иных официальных и частных источников» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 1–2]. Современные

исследователи считают подобные источники незаменимыми как при изучении явлений и процессов общегосударственного масштаба, так и в локальных краеведческих исследованиях [Минаков]. 17 губернаторов вместе с объемным описанием проблем местного управления в той или иной мере затронули деятельность волостных писарей, отмечая «недостаток благонадежных, добросовестных и грамотных», их лихоимство, мздоимство и пьянство в волостных правлениях, а также негативное влияние на волостных судей [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 140б. Л. 55–55 об., 70, 74 об., 84, 88, 142 об., 147 об., 170 об., 172 об., 213 об. – 214, 225–226, 233, 245–246 об., 265, 270, 299 об., 300 об., 319 об., 322 об., 345–346, 350, 372, 380 об., 389 об., 416 об., 419, 432 об.]. В некоторых отзывах простой секретарь представлялся своеобразным Левиафаном, которого боялись не только крестьяне, но и руководители крестьянского самоуправления:

Когда же священник погоста Петра и Павла стал говорить волостному старшине о потворстве его писарю, то старшина отвечал: «Что же мне делать, я и сам боюсь, чтобы писарь не посадил меня в холодную» [Там же. Л. 145 об.].

Несмотря на это, первые лица губерний надеялись на улучшение сложившейся ситуации:

Что касается волостных писарей, то между ними попадаются люди очень хорошие, но, по несчастью, чаще встречаются дурные и безнравственные. Главная основная тому причина – всеобщая неграмотность. Положение человека, умеющего читать и писать, слишком еще в народе исключительно для того, чтоб не подавать частых поводов к злоупотреблению. Волостные писаря будут вообще плохи до тех пор, пока не выйдут из самих крестьян. Словом, настоящие писаря есть зло, но зло временное и неизбежное [Там же. Л. 175 об.].

Высокопоставленные региональные чиновники связывали светлое будущее только с постепенным внедрением образования в деревне, обучением грамотности подрастающего поколения и продвижением его по карьерной лестнице. Одновременно многие начальники губерний касались серьезных проблем крестьянского мира и даже предлагали «рецепты» реформирования института волостных писарей с выходом на модернизацию всей системы местного управления.

Во-первых, рязанский губернатор П. Д. Стремоухов назвал всех должностных лиц, занимавшихся перепиской и составлением канцелярских бумаг, «пьяницами», «взяточниками», «лицами, не способными ни на частные должности, ни на государственную службу», отметил настоящее сподвижничество волостных писарей, «посвятивших себя на служение сельских обществ... умеющих подчас при-

крыть злоупотребление оформлением всякого действия на бумаге и угождать крестьянам, выказывая себя защитниками их прав неуместными наставлениями» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 73]. Негативное отношение высокопоставленного чиновника к волостным секретарям не влияло на признание их значимости в осуществлении взаимодействия безграмотных крестьян со сложным миром бюрократической волокиты и произвола. Вероятно, поэтому начальник Рязанской губернии предложил создавать «правильно организованные школы», где «образовывались бы писаря изучением на практике делопроизводства, требующего более навыка, чем познаний» [Там же. Л. 78 об.].

Во-вторых, губернаторы описывали важнейшую проблему развития бытового мздоимства. Крестьяне, по мнению рязанского и псковского губернаторов, баловали молодых и неопытных делопроизводителей разными «приношениями и угощениями», поэтому «лица не испорченной еще нравственности, заняв должности писарей, вскоре искушались окружающим их соблазном и превосходили самых опытных по этой части людей» [Там же. Л. 73 об.], а «писаря при всяком случае угощают первого и делают ему приношения хлебом, яйцами, холстом и чем придется, и эти приношения вошли уже в обычай, так что иные говорят: “В нашу контору (то есть в волостное правление) с пустыми руками не ходи, кто больше дал, тот и прав”» [Там же. Л. 142 об.]. К сожалению, в среде безграмотного крестьянства поговорка «не подмажешь – не поедешь» была прямым руководством к действию, но виноваты во всем, естественно, были писаря!

В-третьих, ощущался заметный недостаток в образованных делопроизводителях, поэтому в Калужской губернии «искателями мест в волостные писаря большей частью бывают отставные чиновники либо бывшие писарями в ведомстве государственных имуществ или окончившие курс в духовных семинариях, последние выходят самыми лучшими» [Там же. Л. 265 об.], а в Казанской губернии «люди эти по большей части неблагонадежные, нанимаются или из среды исключенных семинаристов, или, что еще хуже, из бывших писарей ведомства государственных имуществ, откуда они изгнаны или за пьянство, или за злоупотребления» [Там же. Л. 246]. Для исправления ситуации калужский и владимирский губернаторы предложили усилить роль мировых посредников в утверждении и отстранении писарей и сделать их «ответственными пред законом на равных с состоящими на службе коронными чиновниками» [Там же. Л. 217, 346].

Для улучшения кадрового состава волостных делопроизводителей в 1868 г. курский губернатор представил в Министерство внутренних дел проект, в котором сначала обозначил низкие зарплаты, высокую должностную нагрузку и огромную ответственность письмоводителей, а затем обосновал необходимость преобразований, заключавшихся в следующих пунктах: 1. Определять и увольнять волостных писарей по распоряжению мирового посредника.

2. Устанавливать содержание писмоводителям «по количеству населения волости». 3. Избавить писарей от денежных и натуральных повинностей. 4. Предоставить писмоводителям право на льготы и «за особое усердие к службе и добросовестность в исполнении своих обязанностей» награждать их на общем основании, «определенном для лиц, состоящих в гражданской службе» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1867. Д. 14. Л. 14 об. – 15 об.]. Последний пункт больше всего возмущал людей, разбиравшихся в проблемах крестьянского самоуправления, так как «писарь же не имеет по службе никаких льгот и преимуществ!» [Там же. Л. 13 об.], а любые представления хороших делопроизводителей к государственным наградам «за примерное усердие к службе по занимаемой им должности и отличный порядок в делопроизводстве» не поддерживались с формулировкой «служит по найму общества» [ГАПК. Ф. 41. Оп. 2. Д. 166. Л. 567].

В-четвертых, из-за поголовной неграмотности сами волостные судьи обращались за толкованием законов к грамотным делопроизводителям и не могли проверить достоверность письменных решений волостных судов, ведь «у нас судят по книжке, что писарь напишет, то и будет» [РГИА. Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406. Л. 372]. Калужский губернатор Э. В. Лерхе представил проблему более развернуто:

Волостные писаря часто искажают самый смысл решения судей, записывая в книгу не то, что было говорено судьями. Проверить же записанное писарем решение свое судьи по безграмотности своей не в состоянии. Затем во многих судах решаются дела не по обычаю и правилам, принятым в крестьянском быту, как предназначено в Положениях 19 февраля 1861 г., а на основании Сельского устава о благоустройстве казенных крестьян, что окончательно сбивает судей, так как они с законами не знакомы и чрез то еще более должны подчиниться влиянию писаря, что и было замечено при обзоре волостей [Там же. Л. 270–270 об.].

Действительно, создание после крестьянской реформы таких массовых источников, как протоколы решений волостных судов, это заслуга волостных писарей. С другой стороны, к подобным документам необходимо относиться довольно критически. Материалами региональных архивов подтверждаются факты неправильного протоколирования судебных заседаний, а некоторые волостные судьи сознавались, что решения были не совсем правильно записаны в специальные книги [ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16. Л. 483 об., 673]. Иногда писари вообще не фиксировали на бумаге постановления волостных судей. Так, в еженедельной газете «Екатеринбургская неделя» признавали: «что происходит на волостном суде, не все еще записывается в книгу решений, отчасти с намерением скрыть незаконный образ действий, а отчасти по незнанию или недоразумению» [Екатеринбургская неделя, с. 807]. В начале 1880-х гг.

крестьянин Прокопий Давыдов был наказан десятью ударами розог «за неявку» на волостной суд, но «приговор об этом в книге волостного суда не значится, и явившийся к дознанию судья Швецов объяснил, что записать приговор о наказании Давыдова они приказывали писарю Нефедову, но писарь Нефедов объяснил, что приказание от судей не получал» [ГАПК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 666. Л. 2 об.].

Однако некоторые современные исследователи считают, что именно в протоколах «нашли отражение не только “нормы” обычного права и правовая культура крестьянства, но и многие стороны быта, ценности и поведенческие стереотипы основной части населения страны» [Земцов, 2002, с. 3, 64–386]. Подобные судебные решения «с отчетливой полнотой отразили поиск и народное воплощение мирских представлений о “правде” (и истине, и справедливости); в их строках при переложении на обыденные жизненные ситуации прямо говорит главный герой отечественной истории – русский крестьянин» [Земцов, 2004, с. 85]. Сегодня существует и более взвешенный взгляд на эти источники, расширяющие область познания особенностей волостной юстиции, но «степень достоверности некоторых рукописных материалов оценить сложно, так как книги решений волостных судов велись бессистемно, иногда даже небрежно, с множеством пробелов. Многое в данном случае зависело от компетентности и морального облика волостных писарей» [Соснина, с. 205–206].

Через десять лет после этих конфиденциальных отчетов губернаторов министру внутренних дел П. А. Валуеву завершила работу комиссия М. Н. Любошинского по исследованию волостных судов [Земцов, 2004, с. 158–207]. Естественно, в трудах комиссии содержались некоторые отзывы губернаторов, посвященные взаимодействию волостных писарей и судов. Хозяин Витебской губернии выражал общее мнение о письмоводителях, заключавшееся в их значительном влиянии на крестьянское самоуправление. Начальник Владимирской губернии в довольно резких тонах призывал ликвидировать волостные суды, не пользовавшиеся доверием народа, так как они «попали в руки волостных старшин и ловких их писарей, которые дали им характер канцелярского суда, со всеми его недостатками и злоупотреблениями, принося народу не пользу, а несомненный вред» [Труды комиссии по преобразованию волостных судов, с. 55, 571]. Киевский губернатор основную вину возложил на секретарей:

По своему положению в крестьянском управлении, как люди грамотные, всегда являются главными участниками в решении дел волостными судьями; от них зависит смысл и точность изложения на бумаге поставленного судьями приговора, только к ним судьи обращаются за советами и, соглашаясь всегда с мнением писарей, заставляют последних писать решение, которое потом самим писарем изменяется согласно его личным своекорыстным взглядам [Там же, с. 403].

Таким образом, в 1870-х гг. первые лица губерний продолжили традиционную критику писмоводителей, находя в них безмолвных виновников неудачных преобразований на местах. Грамотные, но бесправные волостные писари становились удобными объектами для замечаний региональных и столичных чиновников.

В начале 1880-х гг. губернаторы опять выразили мнение о развитии института волостных писарей. В проектах преобразования волостного суда 30 губернаторов отражался весь спектр мнений российской общественности по совершенствованию волостной юстиции. В рамках работы Особой комиссии для составления проектов местного управления в июне 1883 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой направил губернаторам секретный циркуляр № 529 «О доставлении соображений и заключений по вопросам, касающимся предположений об изменении в местных учреждениях». Седьмой вопрос этого документа был посвящен волостному суду [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 1–32]. Советские и современные историки опирались на этот важный источник при изучении преобразований в системе местного управления начала 1880-х гг. [Зайончковский, 1970, с. 8–234; Христофоров, с. 292–350], однако не всегда внимательно относились к проблемам крестьянской юстиции.

В декабре 1883 – январе 1884 г. из разных российских губерний пришли ответы министру внутренних дел, что повышает ценность этих хронологически близких исторических источников. В процессе критики волостного суда хозяева губерний не забывали о делопроизводителях. Вологодский губернатор М. Н. Кормилицын отметил, что неграмотные волостные и сельские должностные лица (в том числе и волостные судьи) попадают под «присмотр» «малограмотных», «малоподготовленных к делу, а иногда и совсем бестолковых» канцелярских служащих, и «часто судьи скрепляют своими печатями решения, постановленные скорее писарем, нежели ими» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12. Л. 38 об. – 40]. Подобную характеристику писмоводителям дал и олонекский губернатор Г. Г. Григорьев:

Волостной писарь – это руководитель, импульс волости, но который при том составляет и все ее зло, и всю худшую сторону. Грамотный настолько, что может обнять весь цикл объявлений, предписаний и прочих бумаг, соприкасающихся с деревенским бытом, и сумеет отписаться на них, вывести расход общественным деньгам настолько ловко, чтоб запрятать все концы неправильно растраченных сумм, составить общественный приговор или приговор волостных судей в том духе, в том направлении, как ему нужно, соображаясь с подходящими обстоятельствами дела.

При этом под влияние писаря и других «зловредных личностей» попал «неудовлетворительный» и «несамостоятельный» волостной суд [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 22–22 об., 122].

Несмотря на такую же однозначную характеристику секретарей, в проекте преобразований хозяина Олонецкой губернии было предложено уничтожить волостные правления, передать их функции сельским обществам, но «для заведования письменной частью при каждом сельском обществе иметь писаря» с окладом не менее 120 руб. в год [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 40]. Разве губернатор не понимал, что это привело бы к росту количества делопроизводителей в геометрической прогрессии с возможным снижением их качественного состава?

По мнению саратовского губернатора А. А. Зубова, волостные писари оказывали «давление на ход дел в суде в желательном для одной из сторон смысле», так как они по своему усмотрению разъясняли «разного рода статьи закона» неграмотным волостным судьям [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 551 об.]. Через несколько листов доклада хозяин губернии опровергал свои же доводы, отмечая, что «жалоб на то, чтобы волостные писаря руководили судьями при разрешении дел, по существу, поступает вообще мало», а влияние на судей осуществлялось больше с «внешней, формальной стороны», когда делопроизводители вели установленные книги волостных судов, объявляли и приводили судебные решения в исполнение. Выход из создавшегося положения А. А. Зубов видел в «постоянном руководстве и надзоре за волостными судами». Это позволило бы поставить волостных писарей в «нормальные отношения к суду там, где влияние их действительно существует» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 555–555 об.].

Тверской, симбирский, херсонский и харьковский губернаторы большинство «злоупотреблений» в деятельности волостных судов связывали с влиянием на них писарей и старшин [Там же. Д. 14. Л. 181–181 об., 315, 386–387; Д. 15. Л. 308]. Эту «зависимость» волостной юстиции от секретарей логично выявил владимирский губернатор О. М. Судиенко, обращавший внимание на крайнюю несостоятельность личного состава волостных судов из-за отсутствия вознаграждения крестьянам за исполнение обязанностей судей, поэтому судьями становились лишь бедные и неразвитые крестьяне, не пользовавшиеся никаким авторитетом среди местного населения и не имевшие возможности отказаться или откупиться от этой должности. При таких условиях крестьяне, «отбывая должность судьи как натуральную повинность, апатично относятся к своим служебным обязанностям» и «неизбежно служат послушным оружием в руках волостного старшины, писаря и кулаков-мироедов». Начальник Владимирской губернии считал, что «нередко» волостные судьи «собираются только на бумаге, а в действительности дела решаются старшиной и писарем». Вывод звучал так:

...главная цель существования крестьянских судов – применение местного обычного права к делам крестьянским – в большинстве случаев не достигается, и в решениях судов более проявляется полуграмотная деятельность волостного писаря, чем народное правовое сознание [Там же. Оп. 2. Д. 15. Л. 103–103 об.].

Почему-то владимирский губернатор не обращал внимания на привилегии, полагавшиеся крестьянам за исполнение должностных обязанностей, и не учитывал общую безграмотность крестьянского населения.

В декабре 1883 г. в «демонизацию» волостных письмоводителей внес весомую лепту и известный своими консервативными взглядами пермский губернатор А. К. Анастасьев, начавший в это время борьбу с «неподконтрольными» выборными земскими и судебными учреждениями [Попп, с. 82–90]. В записке хозяина Пермской губернии на имя министра внутренних дел повсеместно присутствовал образ «всемогущего» волостного писаря, который вместе с волостным старшиной не только полностью «подчинил» своему влиянию волостных судей и «бесконтрольно» занимался «самоуправством», «злоупотреблениями», «растратами мирских сумм» в волостных правлениях [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 353 об., 368 об.], но и совместно с «кабатчиками», «винооторговцами», «кулаками», «содержателями и бывшими сидельцами питейных заведений» захватил власть в системе местного самоуправления, контролировал уездные земства и попадал в состав их исполнительных органов:

Главный контингент членов и даже председателей земских управ составляют бывшие волостные писаря, следовательно, люди – не внушающие нравственного доверия своей личностью и по своим интересам совершенно не солидарные с интересами земства. Благодаря вторжению в земство этих недостойных элементов... местное самоуправление превратилось в арену борьбы для немногих, но тесно сплоченных шаек хищников, поставивших себе целью личную наживу [Там же. Л. 345 об., 347, 348–348 об.].

По мнению А. К. Анастасьева, волостные писари «неблаговидными средствами» приобретали имущественные цензы и стали основой для формирования кадрового состава судебно-мировых учреждений [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 13. Л. 351; Там же. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 150. Л. 5]. Это заявление вызвало огромный общественный резонанс [Прения по реферату М. В. Красовского, с. 77; Юридическое образование наших мировых судей, с. 187], но через два года было опровергнуто членом Харьковской судебной палаты В. Ненарочкиным, ревизовавшим в 1885 г. пермскую мировую юстицию. Подробные списки мировых судей, выбранных осенью 1882 г. на четвертое трехлетие (1882–1885), показывали, что из 63 «наличных» мировых судей Пермской губернии только один мировой судья – крестьянин И. Я. Тугаринов – работал до 1873 г. волостным писарем, но и его Ирбитское уездное земское собрание избрало на должность участкового мирового судьи только 30 октября 1884 г., то есть почти через год после резонансных заявлений пермского губернатора [РГИА. Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949. Л. 114 об. – 115, 80–141].

Подводил итоги губернаторских донесений князь В. П. Мещерский, который назвал всю систему местного управления «рассыпанной храминой» с «непомерно возросшим» числом лиц, «которым предоставлена возможность злоупотреблений, необходимо включая сюда волостных писарей» [РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 14. Л. 408 об., 411 об.]. Из 30 губернаторских докладов о преобразовании системы местного управления ни в одном не нашлось места для объективной оценки роли волостных делопроизводителей. При этом начальники губерний уже не надеялись на возможные улучшения сложившегося положения и в будущем не видели позитивных изменений в деятельности волостных писарей. Создается впечатление, что большинство накопившихся проблем в крестьянском самоуправлении высокопоставленные чиновники пытались свалить на «всемогущих» канцелярских служащих и формально найти в них виновников неудач повседневной провинциальной жизни.

В традиционных авторитарных государствах без специальных центров изучения общественного мнения, статистических исследований, основанных на научных принципах, особое значение занимали отзывы, вопросы и отчеты региональных администраторов и заметки образованных практиков, отвечавших за конкретную деятельность на периферии. В огромной поликультурной России после освобождения крестьян власть особенно нуждалась в достоверной информации из разных регионов для адекватного реагирования на вызовы и поиска подходящих ответов.

Для сохранения статуса российской власти, ее легитимности требовались ежегодные губернаторские «всеподданнейшие отчеты», постоянные запросы начальникам губерний из министерств, наконец, сенаторские ревизии – все это представляло основу управления и быстрого реагирования на проблемы в стране. Институт волостных писарей, как и вся система волостного самоуправления, подвергался критике со стороны современников, поэтому самодержавие пыталось быстро получить объективную информацию от «своих» начальников губерний, но отчеты, доклады и служебные записки последних не могли справедливо оценить комплекс сложившихся противоречий. Несмотря на клишированность высказываний губернаторов о волостных писарях, в представленных исторических материалах открываются довольно репрезентативные данные не только делопроизводства многочисленных письмоводителей на местах, но и сложных процессов становления, развития, кризиса всей системы местного управления. Анализ института волостных писарей позволял начальникам губерний предлагать перспективные рецепты модернизации страны.

Большинство провинциальных администраторов обращали внимание на вмешательство писарей в дела местных судов, однако крестьяне не смогли бы подавать кассации и добиваться справедливости без письменных протоколов, созданных теми же писарями. В итоге именно простые письмоводители смогли закрепить волостную юсти-

цию в истории России, в отличие от устных обычно-правовых сельских судов, существовавших веками в крестьянском мире, но не оставивших достаточного количества нарративных источников для их всестороннего исследования.

Список литературы

Астырев Н. М. В волостных писарях : Очерки крестьянского самоуправления. 3-е изд. М. : Маг. «Книж. дело», [1904]. 351 с.

Баринов В. В. Система органов волостной юстиции на территории республики Мордовия в конце XIX – начале XX века (по материалам Пензенской и Тамбовской губерний) // Рос. науч. мир. 2013. № 1. С. 24–36.

Безгин В. Б. Сельская власть в обыденном восприятии крестьянства конца XIX – XX вв. // Вестн. Тамбов. гос. тех. ун-та. 2004. Т. 10, № 4-2. С. 1217–1226.

Бурбанк Дж. Правовая реформа и правовая культура: непризнанный успех волостных судов в имперской России // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2003. № 2 (247). С. 188–196.

Бурбанк Дж. Местные суды, имперское право и гражданство в России // Российская империя в сравнительной перспективе. : сб. ст. М. : Новое изд-во, 2004. С. 320–358.

Бурлова Г. В. Правовые аспекты деятельности волостных и сельских должностных лиц крестьянского самоуправления во второй половине XIX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение : Вопросы теории и практики. 2011. № 8-3. С. 47–52.

Волостной писарь. Для народного чтения. Иркутск : [Б. и.], 1867. 5 с.

ГАПК. Ф. 41. Оп. 1. Д. 16; Оп. 2. Д. 166; Ф. 142. Оп. 1. Д. 602, 666, 798, 851, 1661.

ГАШ. Ф. 597. Оп. 1. Д. 56.

Голос : газета политическая и литературная. 1873. № 95. 5 (17) апр.

Екатеринбургская неделя. 1884. № 47. 28 нояб.

Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе 1861–1880 гг. М. : Наука, 1978. 287 с.

Зайончковский П. А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1964. 511 с.

Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М. : Мысль, 1970. 444 с.

Земцов Л. И. Волостной суд в России 60-х – первой половины 70-х годов XIX века (по материалам Центрального Черноземья). Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. 447 с.

Земцов Л. И. Правовые основы и организация деятельности волостных судов в пореформенной России (60-е – 80-е гг. XIX в.) : дис. ... докт. ист. наук. Липецк : [Б. и.], 2004. 462 с.

Корнилов А. А. Крестьянское самоуправление по положению 19 февраля // Великая реформа : Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем : в 2 кн. М. : Изд. дом ТОНЧУ, 2012. Кн. 2. С. 718–739.

Минаков А. С. Всеподданнейшие отчеты о состоянии губерний, областей и градоначальств Российской империи: проблема архивной эвристики // Отеч. архивы. 2009. № 1. С. 28–36.

Никитина Н. П. Волостные писари в социальном пространстве псковской деревни второй половины XIX – начала XX вв. // Псков. науч.-практ. ист.-краеведч. журн. 2014. № 41. С. 42–49.

По вопросу о преобразовании волостных судов // Отеч. зап. 1873. № 1. С. 85–92.

Попп И. А. А. К. Анастасьев // Вопр. истории. 2014. № 2. С. 82–90.

Прения по реферату М. В. Красовского «О недостатках нынешнего устройства мировых судебных установлений в отношении уголовной юстиции» (В. И. Лихачев, Н. Б. Хвостов, М. В. Красовский) // Журнал гражданского и уголовного права. 1885. № 5. С. 46–84.

- ПСЗ. Собр. 2. Т. 36, 49.
РГИА. Ф. 1282. Оп. 2. Д. 12–15; Ф. 1291. Оп. 36. 1863 г. Д. 1406; Оп. 36. 1867. Д. 14; Оп. 37. 1873 г. Д. 97; Ф. 1405. Оп. 86. Д. 2949.
Скоробогатый П. Устройство крестьянских судов. М. : Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1880. 68 с.
Скоробогатый П. Очерки крестьянского суда. М. : Юрич. вестн., 1882. 101 с.
Соснина М. А. Протоколы волостных судов как источник изучения крестьянского правосудия второй половины XIX – начала XX века (на материалах Государственного архива Архангельской области) // Актуальные проблемы источниковедения : материалы IV междунар. науч.-практ. конф. к 420-летию дарования городу Витебску магдебургского права, Витебск, 20–21 апреля 2017 г. / под ред. А. Н. Дулова и М. Ф. Румянцевой. Витебск : Витеб. гос. ун-т, 2017. С. 205–206.
Труды комиссии по преобразованию волостных судов : Отзывы различных мест и лиц : в 7 т. СПб. : [Б. и.], 1873. Т. 7. 656 с.
Хайбуллин А. Р. Дореформенный нотариат на местном уровне // Вестн. ВЭГУ. 2011. № 6. С. 151–155.
Христофоров И. А. Судьба реформы : Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М. : Собрание, 2011. 367 с.
Шишкарева Т. Н. Волостные писари Курской губернии в пореформенный период // Прогрессивные технологии развития. 2013. № 11. С. 85–87.
Шутило О. В., Селезнева Н. М. Волостная юстиция в России во второй половине XIX века // Вестн. Саратов. гос. юр. акад. 2017. № 4 (117). С. 188–194.
Юридическое образование наших мировых судей // Журнал гражданского и уголовного права. 1887. № 1. С. 185–187.
Языков А. И. О преобразовании волостного суда : доклад действительного члена юридического общества при Имп. СПб. ун-те в заседании Административного отделения общества 12 января 1885 г. СПб. : [Б. и.], 1886. 40 с.
Янович В. Итоги шестилетия (заметки земского начальника). Пермь : Типолит. губерн. правления, 1902. 178 с.
Burbank J. Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington ; Indianapolis : Indiana Univ. Press, 2004. 374 p.
Frierson C. A. “I Must Always Answer to the Law...” Rules and Responses in the Reformed Volost’ Court” // The Slavonic and East Europ. Rev. 1997. Vol. 75, № 2. P. 308–334.

References

- Astyrev, N. M. (1904). *V volostnykh pisaryakh. Ocherki krest'yanskogo samoupravleniya* [On Volost Clerks: Essays on Peasant Self-Government]. 3rd Ed. Moscow, Magazin “Knizhnoe delo”. 351 p.
- Barinov, V. V. (2013) Sistema organov volostnoi yustitsii na territorii respublikii Mordoviya v kontse XIX – nachale XX veka (po materialam Penzenskoi i Tambovskoi gubernii) [The System of Local Judicial Bodies on the Territory of the Republic of Mordovia in the Late 19th – Early 20th Centuries (with Reference to Materials from Penza and Tambov Provinces)]. In *Rossiiskii nauchnyi mir*. No. 1, pp. 24–36.
- Bezgin, V. B. (2004). Sel'skaya vlast' v obydennom vospriyatii krest'yanstva kontsa XIX – XX vv. [Rural Power in the Everyday Perception of the Peasantry in the Late 19th – 20th Centuries]. In *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. No. 4-2. Vol. 10, pp. 1217–1226.
- Burbank, J. (2003). Pravovaya reforma i pravovaya kul'tura: nepriznanniy uspekh volostnykh sudov v imperskoi Rossii [Legal Reform and Legal Culture: The Unrecognised Success of Volost Courts in Imperial Russia]. In *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie*. No. 2 (247), pp. 188–196.
- Burbank, J. (2004). Mestnye study, imperskoe pravo i grazhdanstvo v Rossii [Local Courts, Imperial Law, and Citizenship in Russia]. In *Rossiiskaya imperiya v sravnitel'noi perspektive*. Sbornik statei. Moscow, pp. 320–358.

Burbank, J. (2004). *Russian Peasants Go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917*. Bloomington, Indianapolis, Indiana Univ. Press. 374 p.

Burlova, G. V. (2011). Pravovye aspekty deyatelnosti volostnykh i sel'skikh dolzhnostnykh lits krest'yanskogo samoupravleniya vo vtoroi polovine XIX v. [Legal Aspects of the Activities of Township and Rural Officials of Peasant Self-Government in the Second Half of the 19th Century]. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvedenie. Voprosy teorii i praktiki*. No. 8-3, pp. 47–52.

Druzhinin, N. M. (1978). *Russkaya derevnya na perelome 1861–1880 gg.* [The Russian Village at the Turn of 1861–1880s]. Moscow, Nauka. 287 p.

Ekaterinburgskaya nedelya [Ekaterinburgskaya nedelya]. (1884). No. 47. 28 Nov.

Frierson, C. A. (1997). “I Must Always Answer to the Law...” Rules and Responses in the Reformed Volost' Court”. In *The Slavonic and East Europ. Rev.* Vol. 75. No. 2, pp. 308–334.

GAPK [State Archives of Perm Province]. Stock 41. List 1. Dos. 16; List 2. Dos. 166; Stock 142. List 1. Dos. 602, 666, 798, 851, 1661.

GASh [State Archives of Shadrinsk]. Stock 597. List 1. Dos. 56.

Golos. Gazeta politicheskaya i literaturnaya [Voice. Political and Literary Newspaper]. (1873). No. 95. 5 (17) April.

Khaibullin, A. R. (2011). Doreformennyi notariat na mestnom urovne [The Pre-Reform Notary at the Local Level]. In *Vestnik Vostochnoi ekonomiko-yuridicheskoi gumanitarnoi akademii*. No. 6, pp. 151–155.

Khristoforov, I. A. (2011). *Sud'ba reformy. Russkoe krest'yanstvo v pravitel'svennoi politike do i posle otmeny krepostnogo prava (1830–1890-e gg.)* [The Fate of the Reform. The Russian Peasantry in Government Policy before and after the Abolition of Serfdom (1830s–1890s)]. Moscow, Sobraniye. 367 p.

Kornilov, A. A. (2012). Krest'yanskoe samoupravlenie po polozeniyu 19 fevralya [Peasant Self-Government under the Regulation of February 19]. In *Velikaya reforma. Russkoe obshchestvo i krest'yanskii vopros v proshlom i nastoyashchem v 2 kn.* Moscow, Izdatel'skii dom TONChU. Book 2, pp. 718–739.

Minakov, A. S. (2009). Vsepoddanneishie otchety o sostoyanii gubernii, oblasteri i gradonachal'stv Rossiiskoi imperii: problema arkhivnoi evristiki [The Reports to the Monarch on the State of the Provinces, Regions and City Administrations of the Russian Empire: Issues of Archival Heuristics]. In *Otechestvennyye arkhivy*. No. 1, pp. 28–36.

Nikitina, N. P. (2014). Volostnye pisari v sotsial'nom prostranstve pskovskoi derevni vtoroi poloviny XIX – nachala XX vv. [Volost Clerks in the Social Space of Pskov Villages in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. In *Pskov. Nauchno-prakticheskii istoriko-kraevedcheskii zhurnal*. No. 41, pp. 42–49.

Po voprosu o preobrazovanii volostnykh sudov [To the Question of Transformation of Volost Courts]. (1873). In *Otechestvennyye zapiski*. No 1, pp. 85–92.

Popp, I. A. (2014). A. K. Anastas'ev [A. K. Anastas'ev]. In *Voprosy istorii*. No. 2, pp. 82–90.

Preniya po referatu M. V. Krasovskogo „O nedostatkakh nyneshnego ustroystva mirovykh sudebnykh ustanovlenii v otnoshenii ugolovnoi yustitsii” (V. I. Likhachev, N. B. Khvostov, M. V. Krasovskii) [Debate on *On the Shortcomings of the Current Structure of World Judicial Rulings in Relation to Criminal Justice*, a Review of M. V. Krasovskiy (V. I. Likhachev, N. B. Khvostov, M. V. Krasovskiy)]. (1885). In *Zhurnal grazhdanskogo i ugolovnogo prava*. No. 5, pp. 46–84.

PSZ [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Coll. 2. Vol. 36, 49.

RGLA [Russian State Historical Archive]. Stock 1282. List 2. Dos. 12–15; Stock 1291. List 36. 1863 g. Dos. 140b; List 36. 1867 g. Dos. 14; List 37. 1873 g. Dos. 97; Stock 1405. List 86. Dos. 2949.

Shishkareva, T. N. (2013). Volostnye pisari Kurskoi gubernii v poreformennyi period [Volost Clerks of Kursk Province in the Post-Reform Period] In *Progressivnyye tekhnologii razvitiya*. No. 11, pp. 85–87.

Shutilo, O. V., Selezneva, N. M. (2017). Volostnaya yustitsiya v Rossii vo vtoroi polovine XIX veka [Volost Justice in Russia in the Second Half of the 19th Century]. In *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*. No. 4 (117), pp. 188–194.

Skorobogatyi, P. (1880). *Ustroistvo krest'yanskikh sudov* [The Structure of Peasant Courts]. Moscow, Tipografiya A. I. Mamontova i Co. 68 p.

Skorobogatyi, P. (1882). *Ocherki krest'yanskogo suda* [Essays on Peasant Courts]. Moscow, Yuridicheskii vestnik. 101 p.

Sosnina, M. A. (2017). *Protokoly volostnykh sudov kak istochnik izucheniya krest'yanskogo pravosudiya vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka (na materialakh Gosudarstvennogo arkhiva Arkhangel'skoi oblasti)* [Proceedings of Volost Courts as a Source of Study of Peasant Justice of the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries (Based on Materials of the State Archive of Arkhangel'sk Region)]. In Dulov, A. N., Rumyantseva, M. F. (Eds.). *Aktual'nye problemy istochnikovedeniya: materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii k 420-letiyu darovaniya gorodu Vitebsku magdeburgskogo prava, Vitebsk, 20–21 aprelya 2017 g.* Vitebsk, Vitebskii gosudarstvennyi universitet, pp. 205–206.

Trudy komissii po preobrazovaniyu volostnykh sudov. Otzyvy razlichnykh mest i lits [Reports of the Commission for the Transformation of Rural Municipal Courts. Reviews of Various Places and Persons]. (1873). St Petersburg, S. n. Vol. 7. 656 p.

Volostnoi pisar'. Dlya narodnogo chteniya [The Volost Clerk. For Public Reading]. (1867). Irkutsk, S. n. 5 p.

Yanovich, V. (1902). *Itogi shestiletiya (zametki zemskogo nachal'nika)* [Results of the Sixth Anniversary (Notes of a Zemstvo Chief)]. Perm, Tipolitografiya gubernskogo pravleniya. 178 p.

Zazykov, A. I. (1886). *O preobrazovanii volostnogo suda. Doklad deistvitel'nogo chlena yuridicheskogo obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom universitete v zasedanii Administrativnogo otdeleniya obshchestva 12 yanvarya 1885 g.* [About the Transformation of the Volost Court. Report of a Full Member of the Legal Society at the Imperial St Petersburg University at the Meeting of the Administrative Department of the Society on 12 January 1885]. St Petersburg. 40 p.

Yuridicheskoye obrazovanie nashikh mirovykh sudei [The Legal Education of Our Magistrates]. (1887). In *Zhurnal grazhdanskogo i ugovnogo prava*. No. 1, pp. 185–187.

Zaionchkovskii, P. A. (1964). *Krizis samodержавiya na rubezhe 1870–1880-kh godov* [The Crisis of Autocracy at the Turn of the 1880s]. Moscow, Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta. 511 p.

Zaionchkovskii, P. A. (1970). *Rossiiskoe samodержавie v kontse XIX stoletiya (politicheskaya reaktsiya 80-kh – nachala 90-kh godov)* [The Russian Autocracy at the End of the 19th Century (Political Reaction of the 1880s – Early 1890s)]. Moscow, Mysl'. 444 p.

Zemtsov, L. I. (2002). *Volostnoi sud v Rossii 60-kh – pervoi poloviny 70-kh godov XIX veka (po materialam Tsentral'nogo Chernozem'ya)* [The Volost Court in Russia in the 1860s – First Half of the 1870s (Based on the Materials of the Central Black Earth Region)]. Voronezh, Izdatel'stvo Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. 447 p.

Zemtsov, L. I. (2004). *Pravovye osnovy i organizatsiya deyatel'nosti volostnykh sudov v poreformennoi Rossii (60-e – 80-e gg. XIX v.)* [Legal Basis and Organisation of the Activity of Volost Courts in Post-Reform Russia (1860s–1880s)]. Dis. ... dokt. ist. nauk. Lipetsk, S. n. 462 p.

The article was submitted on 06.02.2021